

ЛАНА
ПОЛЯКОВА

Маске
РАЗВОДА

ПРОЙТИ ПО ОСКОПКАМ ЛЮБВИ

Лана Полякова

**После развода. Пройти
по осколкам любви**

«Автор»

2026

Полякова Л.

После развода. Пройти по осколкам любви / Л. Полякова —
«Автор», 2026

Муж ушел. Как я пережила развод страшно вспомнить до сих пор. Но спустя год Стас вернулся... Как мне теперь быть? Разве я могу простить измену, которую случайно видела своими глазами?

© Полякова Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	17
Глава 8	19
Глава 9	21
Глава 10	23
Глава 11	25
Глава 12	27
Глава 13	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Лана Полякова

После развода. Пройти по осколкам любви

Глава 1

Утро было абсолютно будничным.

Но проснувшись сегодня, как обычно, раньше мужа, я, совершенно неожиданно для себя почувствовала, как сжалось в предчувствии сердце и нехорошо засосало под ложечкой.

Будто беда стоит на пороге.

Стас в последний месяц стал особенно нежен со мной. Он, как раньше, на заре наших отношений, не выпускал всю ночь меня из объятий. Его внимание было сосредоточено на мне, и мне казалось сначала, что мы переживаем всплеск, ренессанс, второе дыхание нашей любви.

Вот и сейчас, крепко прижимая к себе, придавливая собственнически своей тяжелой рукой, муж, чуть хмуря высокий лоб, держал меня, не отпуская даже во сне. Он был такой родной и беззащитно-трогательный в утреннем неверном свете, с немного припухшим от сна лицом, расслабленным ртом и трепещущими длинными ресницами. Стас вызывал во мне умиление и нежность. Хотелось обнять его еще сильнее, спрятать ото всех, приласкать...

Десять прекрасных лет вместе! Ни одного скандала, ни одного серьезного непонимания и не одного мгновения, чтобы я хоть на секунду пожалела о своём выборе.

Но всё же...

Что-то зреет между нами. И вот-вот прорвется на свет неудержимо и требовательно. Всепоглощающе.

Я уткнулась в любимое плечо и, втягивая знакомый аромат, смотрела в окно.

Осень, приласкав бабьим летом ошеломлённых сентябрьскими дождями горожан, уже проявляет перед нами свою увядающую суть. Честно и бескомпромиссно обнажая и леса, и поля и наши чувства. Высокой синевой неба остужая землю.

Нужно собраться с силами и поговорить сегодня со Стасом. Что его так беспокоит? Отчего так судорожно и отчаянно он любит меня в последнее время. Словно прощаясь.

Перевела взгляд на лицо мужа, всматриваясь внимательно в обострившиеся за последний месяц скулы, в залёгшие под глазами тени и сильнее обозначившиеся мимические морщины.

Стас – красивый мужчина. Он с возрастом у меня становится всё лучше. Матерееет и, как выдержанный коньяк, приобретает вкус и стиль.

Я любила его десять лет назад, когда Стас был словно поджарый и весёлый ретривер, всегда готовый к переменам и играм. Лёгким сердцем и ярким незлобивым нравом он вёл меня за собой. И я шла – не раздумывая.

Я доверяла и любила, когда он решил бросить службу и заняться своим делом. Мы вместе не спали ночами, работая, и я помогала ему всем, чем могла. Ни разу не упрекнув и не попрекая отсутствием денег. Я работала наравне с мужем, порой принося в совместный бюджет средств больше него, чтобы прокормит семью.

Я зрелым и взрослым чувством проросла в него за нашу совместную жизнь. И сейчас, когда Стас встал на ноги, когда его предприятие разрослось филиалами, а прибыль стала позволять жить с более широким размахом, разрешая себе многое, я любила его всем своим существом.

Мне кажется, невозможно отделить, где заканчиваюсь я, а где начинается Стас...

Но птица за окном крикнула тревожно и пронзительно, и я вздрогнула.

Перевела взгляд на часы и со вздохом аккуратно выползла из-под руки мужа, стараясь не разбудить его и не потревожить. Пусть поспит ещё десять минут...

Я готовила завтрак на кухне, одновременно собирая Маняшку в садик, а Дениску потопрапливая в школу.

Обычно Стас не вмешивается в наши утренние ритуалы. Вот и сегодня он, как всегда, отстранённо наблюдал за моими метаниями. Но что-то повисло между нами в воздухе...

Стас смотрел прищурившись. Он держал немного в отдалении, на отстранённой руке чашечку кофе, и складка у его губ, выделяясь жёсткой чертой, становилась всё глубже.

Я что-то делаю не так?

Наша квартира расположена очень удачно. Буквально во дворе – школа, куда ходит Денис, а через тропинку от него садик для Маняшки. Денис, как старший и взрослый брат нередко помогает мне по утрам и отводит сестру.

Вот и сегодня мы договорились с сыном, что он отведет сестру в сад утром, а я вечером помогу ему разобраться с математикой и подвисяющим компьютером.

Проводила детей до лифта и, вернувшись в квартиру, с удивлением обнаружила, что Стас не торопится одеваться, а всё ещё сидит на кухне с кофе.

- Мы не опоздаем на работу? – спросила, забегая, чтобы быстренько заглотив свой остывающий чай.

- Мы сегодня до обеда дома, — ответил муж.

Он, оставив, наконец-то, чашку в сторону, продолжил:

- Не суетись, Катя, сядь. Нам нужно поговорить.

И замолчал, ожидая, пока я устроюсь напротив него и выдохну сосредотачиваясь.

- Я должен тебе сказать, — начал сурово Стас, но сбился с тона и, растерев руками лицо, просто и обыденно проговорил, — Мы разводимся, Катя. Сегодня в час дня состоится суд.

Глава 2

Тоненько завибрировала боль в виске, а мир стал сужаться вокруг меня, оставляя в фокусе только любимые глаза моего мужа. Злые равнодушно-усталые глаза. Словно в родном теле вдруг проснулся чужой подселенец, безразличный к моей судьбе.

- Как суд? Что ты сказал? Я не поняла. Повтори, пожалуйста! – фыркнув, осипшим голосом переспросила, надеясь, что я ослышалась и неверно поняла слова мужа.

Но моё тело уже точно знало ответ.

Руки и ноги стремительно холодели и теряли чувствительность. Я теряла ориентацию в покачнувшемся вокруг меня пространстве. Словно в тумане видела, как искривились в усмешке красивые губы Стаса и зашевелились, произнося страшные слова:

- Всё ты верно услышала, Катерина. Прекрати концерт. Возьми себя в руки и собирайся в суд.

Невнятно доносился сквозь гул в ушах раздражённый голос мужа. Словно сквозь вату, через стремительно разрастающуюся между нами трещину его слова каплями расплавленного железа въедались в мой мозг.

- Я не обижу тебя, Катерина. Эта квартира останется за тобой и детьми. И дача под Серпуховым тоже. И машина твоя останется в твоём владении. Я не зверь и не подлец, и буду помогать тебе финансами с детьми в разумных пределах. Но только давай без ненужных сцен и истерик! Я и так откладывал разговор до последнего, щадя твои чувства.

Стас всё говорил и говорил, его губы двигались и изрыгали из себя невозможное, невысказанное. То, что я не в состоянии осмыслить. Слова скользили, вызывая слабый отклик в обожжённом ужасом сердце.

Щадя? Вот это безжалостное препарирование меня на кухне, это он делает, сострадая моему горю? Он так бережёт меня?

Нечеловеческая дикость!

Что он говорит? Какое содержание? Что он хочет от меня сейчас услышать? Размер алиментов?

Смотрела на любимое лицо и не узнавала мужчину. Кто этот жестокосердный механический болван, разбивающий прямо сейчас мою жизнь в стеклянное острое крошево расчетливо и целенаправленно? Что он хочет от меня?

Ещё не остыла постель после нашей близости, ещё не смылись следы с кожи и его запах пропитывает меня насквозь, а он уже пытается выторговать у меня более выгодные условия для выплат по алиментам? Ищет, как откупится от меня подешевле? Торгуется, пританцовывая грязными ботинками на тракторной подошве по осколкам моей жизни и моего сердца, как рыночный спекулянт в предчувствии барыша.

Кто это? Мой Стас?

Впилась ногтями в подушечки ладоней до боли и прохрипела единственное, что набатом гремело в моём мозгу:

- Почему?

- Что почему? – словно споткнувшись, спросил Стас.

Помолчал немного и разразился криком:

- Почему ты не слушаешь меня! Я говорю тебе о серьёзных и важных вещах, а ты, как всегда, выворачиваешь всё шиворот-навыворот! С тобой невозможно разговаривать!

- За что ты так со мной поступаешь? Зачем это всё сделано? К чему была твоя нежность? Прощался? Напоследок решил получить от меня любви столько, чтобы хватило на дальнейшую пустую жизнь? – перебила я, вцепившись в столешницу ладонями, разодранными в кровь собственными ногтями.

- Зачем эти трагедии, Катя? Что такого страшного то происходит? Миллионы разводятся и живут дальше счастливо. Общаются. Дружат. Поддерживают друг друга, и все живы! Одна ты готова умереть от развода! – ухмыльнулся Стас и добавил, словно в сторону:

- Поэтому я и тянул с разговором! Тебе же страшно что-то сказать, Катя! Сразу нервы и всемирный масштаб!

Лицо мужа расплывалось перед моими глазами, словно отдаляясь в поглощающем всё вокруг тумане. И казалось, что ничего больше не осталось рядом со мной. Одно обманчивое марево неизвестности.

- Зачем ты поранила себя? Позволь, я продезинфицирую и обработаю порезы! – проговорил Стас таким будничным тоном, словно интересовался, какой сыр я буду на завтрак.

Он подошёл ближе, обдавая знакомым ароматом своего тела, и положил ладонь сверху моей. От этого прикосновения меня ошутимо потрянуло. Прострелило, словно током.

- Ответь, Стас! – потребовала, выдёргивая, освобождаясь из плена мужниной ладони, отстраняясь от мужа.

- Катерина, ты чудесная женщина и прекрасная мать. У тебя всё организовано и расплано наперёд. Когда и где пройдёт наш отпуск, и в какой институт поступит наш сын. Но так нельзя! Мне надоело жить рядом с идеальным идеалом! Я хочу живую женщину, а не ангела во плоти! – Стас сложил руки на груди, словно отгородившись и опираясь на столешницу бедром, продолжил, — Я хочу пожить для себя, Катя. Я становлюсь рядом с тобой дедом. Респектабельным и спокойным дедом, способным только доживать эту жизнь.

Стас заметался по кухне, размахивая руками и заводясь, говорил всё громче и уверенней:

- А мне всего сорок пять! Я хочу путешествовать и кататься на мотоцикле, хочу сплавляться, как в молодости по порогам диких рек, и я хочу жить, Катя! Я задыхаюсь рядом с тобой!

Сквозь пелену слёз и шум в ушах я услышала конец очередной фразы:

- Жить не с тобой в склепе с предсказуемым завтра, а полноценной мужской жизнью!

И меня затрясло как в припадке.

А Стас всё говорил и говорил, не замечая меня, перечисляя свои желания и выпестованные мечты. Растаптывая мою любовь и обесценивая наши с ним десять лет. То, что было моим счастьем и тихой гаванью семьи, для него, оказывается, стало душным склепом. Без страстей. С мещанской обыденной определённой бытия.

Он говорил, а я смотрела на мой кровавый след на его ладони. Мне казалось, я умирала на кухне моего бывшего семейного гнезда от жестокости любимого мужа. А моя кровь на его руках ярким пятном выжигала след на сердце и в памяти.

Глава 3

Стас, хлопнув дверью, убежал из кухни. Подальше от разговоров и от меня. Не желая больше объяснять мне, что происходит, и не утруждая себя утешением нужной уже жены.

Только буркнул раздражённо, словно незнакомой женщине:

- Чтобы через час была готова!

И скрылся.

Хлопнув дверью и демонстрируя мне, насколько я ему неприятна, как я противна ему. Проводя границу как между чужими людьми. Показывая, что между нами больше нет ничего. Остался холод отчуждения и осколки моего сердца, не стоящие его внимания.

А я застыла, не в силах дышать.

Скрючившись в три погибели на стуле, подтянула колени к подбородку и, устроившись нахохленным совёнком, прикусила зубами костяшки на левой ладони. До откровенной боли. Сильнее и ещё сильнее, физическими ощущениями, стараясь закрепить в разрушающемся вокруг меня мире.

Одиноким островом, айсбергом, глыбой льда мечтала заморозиться прямо сейчас. Чтобы не чувствовать. Желательно вообще ничего.

Я буду думать обо всём потом. Когда-нибудь. Может, через месяц, а может, через год. Когда смогу трезво и без режущей боли оценить произошедшую катастрофу.

Когда развеется, пропадёт из головы тонкий звон разбитого сердца.

Не знаю, сколько времени прошло. Я не понимала. Мне казалось, что я провалилась, как Алиса, в другое измерение. Искривлённое зазеркалье, где белое теперь – это чёрное, а правда – это ложь. Где знакомые предметы и люди обладают совсем другими качествами. И законы мироздания вывернуты наизнанку.

Я не умею и не знаю, как мне просто дышать в этой кроличьей норе, не то что жить и думать.

- Если ты надеешься затянуть развод, не явившись на суд, то напрасно, – зло проговорил Стас, войдя на кухню.

Он был полностью одет. На манжетах сорочки сверкали запонки, подмигивая гранями титана, а галстук аккуратным узлом подчёркивал белизну жёсткого воротничка. Весь – совершенство. Ему и небрежно расстёгнутый пиджак придавал вальяжный лоск.

Стас был таким обыденным. Таким, как я привыкла. Красивым и успешным, уверенным в себе мужчиной. Слово ничего не случилось, и мне привиделся весь разговор.

Но глаза на любимом лице изменились до неузнаваемости.

- Катерина, не позорься! Я потащу тебя в суд как есть – в домашнем костюме и нечёсаную. Так даже проще будет объяснить, почему я хочу развод! — раздражённо проговорил он, развернувшись ко мне всем корпусом.

Посмотрел с прищуром, окинув взглядом с головы до ног, брезгливо скривился и сказал, как ударил:

- Как можно самой себя до такого довести? Сидишь здесь, словно тень, как городская сумасшедшая. Противно видеть! Ты такая жалкая сейчас, такая страшная!

У Стаса презрительно дёрнулась губа, и он продолжил, театрально взмахнув ладонью:

- И не смотри ты на меня как побитая бездомная собака, Катя! Я не пойму: в чём трагедия-то? Никто не умер и не пропал без вести. Люди расходятся каждый день сотнями, или, может, и десятками тысяч. И никто не сдох от этого. Счастливы живут дальше! Одна ты — вселенская страдалница! Собирайся, давай. Выезжаем через десять минут!

Я словно заворожённая наблюдала, как шевелятся его губы, как холодно и остро смотрят на меня злые глаза, и не могла сдвинуться с места. Просто не понимала, как это: опустить ноги на пол и встать? Мышцы свело.

Я просто вся превратилась в камень, как несчастная жена Лота, увидев перед собой немислимое.

Стас постоял надо мной ещё мгновение, перекатываясь с пятки на носок и поджав губы. А затем сгрёб меня в охапку со злополучного стула и быстрым шагом отнёс в нашу спальню. И там просто бросил на кровать. Ещё и ладонями потряхнул.

И вот этот его брезгливый жест что-то взорвал во мне.

Как тумблер переключателя, переведя меня в состояние ярости.

- Ты будешь жалеть об этом всю оставшуюся жизнь, – прошипела, соскребая себя с кровати.

- Лучше сделать и жалеть, чем не сделать и всё равно сожалеть! – хохотнул Стас и вышел из комнаты.

Как я собиралась и что мне стоила эта поездка – невозможно вспоминать без содрогания.

Находиться с мужем в одной машине было невыносимо. Всё вокруг несло печать его присутствия, всё пропахло им. И каждая мелочь только добавляла топливо в пожар ярости моей души.

Как он смеет? Что надумал вообще? Зачем такая жестокость и срочность?

Ехать было совсем рядом, но Стас всё равно включил музыку.

Он включил музыку!

Ему весело?

Или тоже мучительно и невыносимо находиться со мной в замкнутом пространстве автомобиля?

По коридорам здания суда я летела фурией, ведьмой на помеле. Не замечая никого вокруг и не обращая ни на кого внимания. С единственным желанием позволить всё разрушить.

Если Стас так жаждет, то, что же. Я дам ему свободу! Я смогу!

- Катя? – внезапно услышала я знакомый голос сквозь топот ног и барабаны пульса в ушах.

- Катерина Лимм! Стой же ты! погоди! — кричала мне вслед моя подруга Людочка.

Я притормозила, услышав неприкрытое изумление в знакомом голосе, и обернулась, когда она сказала:

- Стас? И ты здесь? Что у вас произошло? Зачем вы несётесь по коридору, словно гонитесь за кем-то?

Когда Людочка подошла ближе, и посмотрела на меня, то улыбка сползла с её лица, скомкалась и проявилась озабоченностью. С тревогой в голосе она спросила, игнорируя Стаса и глядя только в мои глаза:

- Что с тобой произошло? Катя, да на тебя смотреть страшно, что? С кем? Я могу помочь?

- Стас подал на развод, и через несколько минут у нас суд, – прохрипела я, не отводя взгляда от подруги.

Глава 4

- Стас? – спросила подруга, поворачиваясь к моему мужу, и спросила меня с волнением и тревогой в голосе, — но как? Зачем? Мы же только вчера разговаривали, и ты мне ничего не говорила...

- Я сама узнала только сегодня утром – перебила, нетерпеливо переступая с ноги на ногу. Всё дрожало во мне от нетерпения и желания поскорее закончить это. От потребности завершить, прекратить мучения, отрезать кровоточащую часть души. Отсечь больное.

Будто и не понимаю, что страдания после этого только начнутся...

Бесконечное недоумение, появившееся в глазах моей подруги, по мере затянувшейся паузы сменялось на решимость, и Людочка развернулась в мою сторону, чётко проговаривая все слова:

- Вот как? А причина?

- Какое твоё дело, Людмила, до нашей личной жизни и почему... — начал было возмущаться Стас, но Людочка, резко сверкнув отражённым светом от стёкол очков, перебила его:

- Вот от кого, а так от тебя, Стас, я не ожидала подобного свинства. Отойди в сторону и не мешай мне утешать любимую подругу. Ты разводишься? А значит, теряешь всякое право указывать ей, что и когда делать!

После, подхватив меня под локоть, отволокла в сторону и зашептала, шипя на весь коридор:

- Ты помнишь, что я адвокат? Помощь нужна?

- Люд, я не понимаю сейчас вообще ничего. Хочет свободы – пусть катится на все четыре стороны и семь ветров ему в спину! Только бы скорее... — выдавила сдавленным горлом и дёрнулась в сторону.

- Я тебя провожу и присутствую на суде. Пойдём! – Решительно поджав губы, сказала моя Людочка и спросила у Стаса:

- Какой зал и во сколько?

- Ты что пойдёшь с нами? – скривился муж.

На что Людочка только фыркнула:

- А тебе есть о чём волноваться? Ты что-то скрываешь? Хочешь обмануть мою клиентку?

- Какую... О чём ты, Людмила?

Подруга уставилась на Стаса «прокурорским» фирменным взглядом и, выждав паузу, ответила:

- Людмила Марковна, пожалуйста, адвокат этой прекрасной женщины и матери твоих двоих детей!

А после развернулась и, по-прежнему держа меня под локоть, повела вдоль по коридору, приговаривая:

- Впрочем, вам в первый зал и к часу дня, скорее всего!

Стас догнал нас и, пристроившись рядом, заговорил нервно, тщательно скрывая своё раздражение:

- Людмила, нам не...

- Людмила Марковна, пожалуйста! – перебила его подруга и добавила, — Станислав Вениаминович, при бракоразводном процессе странно и не корректно употреблять местоимение «мы». Говорите за себя, пожалуйста. Интересы моей клиентки будут оцениваться без вашего участия, и защищаться по всей возможной строгости закона.

И ускорила шаг, впечатывая каблучки в паркет коридора.

- Нам не нужен адвокат! Катя не заключала с вами договор! – возмутился Стас.

- А вот это уже вас не касается, уважаемый гражданин! – отмахнулась от него подруга.

Она тащила меня за собой на буксире, не давая ни минуты на передышку. А когда мы добежали до нужной двери, то резко затормозила и, повернувшись к Стасу, прошипела:

- Я не позволю тебе обижать Катерину! Ты сам запустил этот процесс, так имей мужество принять его результаты!

Затем, резко дёрнув на себя двери, вошла в помещение и решительно прошагала дальше, скрываясь в недрах служебного входа.

Мы со Стасом вошли следом и остановились. Стас немедленно, расслабленно и по-хозяйски уселся на свободный стул, а я осталась стоять оглядываясь.

Довольно просторное официальное помещение с гербом Российской Федерации, столом судьи, местами для истца и ответчика, секретаря. Рядом — несколько мест, вероятно, для адвокатов.

Деревянные тёмные панели на стенах в стиле позднего союза создавали атмосферу рабочего кабинета моего любимого деда, который при жизни работал главным конструктором на одном из крупных заводов города и куда частенько мы с бабулей забегали на минуточку с пирожками.

В целом – ничего такого, чтобы отражало весь ужас, который я чувствовала сейчас в своей душе. Но диссонанс от контраста тёплых детских воспоминаний и происходящей прямо сейчас катастрофы резал по раненому сердцу. Втаптывая разбитые осколки моей семьи навсегда в мою память.

Людочка вышла из неприметной двери служебного входа и пригласила меня к месту ответчика, бросив небрежно:

- Ваше место там, Станислав Вениаминович!

И махнула рукой по направлению места истца.

Стас хотел что-то ответить, но в помещения вошёл судья с секретарем, и всё завертелось.

Как оказалось, процесс развода носит формальный, гражданско-правовой характер, где судья выясняет причины развода, наличие споров о детях или имуществе.

Подруга отвечала на все вопросы за меня спокойно и громко, разделяя процесс развода, начисления алиментов и раздела имущества в разные судопроизводства.

Стас говорил за себя. Назвал причину: не сошлись характерами.

Десять лет сходились, этой ночью его мой характер очень даже устраивал, а вот, поди ж ты! Оказывается - не сошлись!

И только один раз подруга спросила меня:

- Ты точно хочешь развестись с ним сейчас?

- Раз он так жаждет... — пожала я плечами.

- Если ты не хочешь, мы можем взять некоторое время на то, чтобы подумать. Взвесить всю ситуацию и найти для себя самый удобный вариант. Дать Станиславу Вениаминовичу время одуматься, признать свою ошибку. Простить его, если сможешь, – с тревогой, глядя на меня, говорила подруга, но я отрицательно качала головой на каждое её предложение.

- Я не буду держаться за мужчину, если он мечтает расстаться со мной. Это унижительно! – твёрдо ответила, когда Люда замолчала.

Но подруга задала вопрос, от которого у меня всё похолодело и в сердце, и в животе.

- А если ты беременна?

Глава 5

- В этом случае развод можно отложить на весь срок беременности и ещё, пока не пройдёт год после рождения ребёнка, — продолжала говорить подруга.

А я с ужасом прислушивалась к себе, пытаюсь понять, нет ли во мне зародившейся новой жизни. Будто это можно уловить умозрительно. Вот так, просто прислушиваясь к своему организму.

Словно стояла на краю бездонной пропасти и вглядывалась в непроглядную тьму, пытаюсь рассмотреть своё будущее.

- О чём ты говоришь? Какая беременность? – нервно перебил её Стас, барабанил пальцами по подёргивающейся коленке.

Но Людочка не реагировала и смотрела только на меня, не отводя взгляда и не моргая. Внимательно наблюдая за изменениями от понимания ситуации, которые отражались наверняка красным шрифтом на моём лице.

- Мы предохранялись в последнее время. Я тщательно следил за этим, и никаких сюрпризов не может быть! Зачем мне ещё дети? – тем временем продолжал говорить Стас.

И его слова вывели меня из задумчивости, словно кипятком обжигая обнажившуюся рану.

- Развод! Немедленно! – сказала я, принимая однозначное решение, и добавила, — зачем мне рядом мужчина, которому не нужны его дети?

Стас фыркнул, брезгливо, как мне показалось, скривился и отвернулся.

И после заседания первым подскочил со своего места, направляясь к выходу и торопясь поскорее покинуть помещение.

- И к чему нужен был весь этот цирк? Я же сказал, что буду детей содержать и оставлю тебе квартиру. К чему ты затеяла дальнейшие суды? Деньги лишние? – проговорил он, презрительно и нервно дёрнув губой, когда проходил мимо нас.

Стас ушёл, а мы с Людочкой остались вдвоём.

- Вставай, Катя. Пойдём и всё обсудим у меня, – приобнимая меня за плечи, проговорила подруга.

Деревянной походкой железного дровосека я вышла из зала заседания и пошла за Людой, не понимая толком, куда. Жизнь казалась разбитой окончательно. Я брела как потерпевшая, выжившая после катастрофы, после крушения поезда или разбомблённого дома. Толком не понимая, как быть дальше, как дышать и что сказать детям?

Не представляя, как я вообще ещё жива.

Люда привела меня к своей машине и, усадив на переднее сидение, потребовала:

- Давай, рассказывай, что произошло? Чем ты задела Стаса, что он вдруг так сильно переменялся?

Я растёрла лицо ладонями, краем сознания удивляясь, насколько холодными они оказались, и проговорила устало, не отнимая рук от лица:

- Люд, ты не поверишь, но последний месяц, наоборот, всё было словно в юности на заре наших отношений. Ярко и страстно. Он этой ночью любил меня и шептал нежности! Я засыпаю в его объятиях и просыпаюсь от поцелуев!

Просыпалась до сегодняшнего дня.

Я стала подозревать неладное, но чтобы такое, вдруг...

Не понимаю!

Помолчала, вспоминая поведение Стаса сегодня с утра. А ведь он вздохнул с облегчением, когда сказал мне о разводе!

- Если он задумал это давно, то отчего молчал? Я не понимаю, как вообще можно так притворяться? И зачем? – пожимая плечами, тихо проговорила, будто спрашивая у себя.

- Вспоминай, что было перед этим? – не отставала от меня подруга.

- Да ничего особенного. Обычная работа и домашние заботы. Всё ровно так же, как и полгода назад, и год... Я не понимаю, Люд! Какая змея его укусила?

Повернулась к подруге, вглядываясь в её лицо. Выискивая в нём ответы.

- Ты предполагаешь, что меня оговорили? Или Стас интерпретировал какие-то факты предвзято? Он мог бы просто спросить! – отчаянно надеясь, проговорила я и тут же сникла, ужаснувшись:

- Это он мне так мстил? Нежностью и любовью? Я не понимаю!

- Что-то произошло, Кать. – Внимательно глядя на меня, ответила подруга и продолжила с каждым словом всё увереннее, — Стас не тот человек, чтобы действовать необдуманно. И он никогда не был предателем. Думай, Кать!

Думай... я не могу сейчас притянуть одно к другому, сложить разрозненный пазл своей жизни воедино, даже сегодняшний день у меня расплывается, размазывается на отдельные картинки. Разваливается, как и мои мысли.

Оно и немудрено при таких взъерошенных чувствах.

- Я не знаю, что думать! – ответила и откинула голову на подголовник сидения, прикрывая глаза.

- Сколько ни думай, а без наличия хоть каких-то зацепок и фактов ничего не придумаешь, — продолжила говорить, задумчиво перебирая последние наши дни.

А ведь Стас реально стал другим в этот месяц!

Просто я, замороженная бурными страстными ночами, ослеплённая его внезапной нежностью и заваленная работой, домом и детьми, не хотела замечать этих изменений. Я не желала копаться и выяснять, что поменялось. Просто приняла иные правила и наслаждалась ими...

- Я должна поговорить со свекровью, — протянула задумчивым тоном и посмотрела на Людочку, отнимая ладони от лица.

- Попробуй, – с сомнением ответила мне подруга.

Зная мою свекровь, сложно ожидать от неё взаимопонимания, но попробовать стоит. Я просто больше не представляю, с кем ещё можно обсудить состояние Стаса и его перемены за последнее время.

С его сестрой мы не близки. Да и Стас с ней и её мужем общается только с моей подачи. И то, два раза в год: на Новый год и на день рождения. А говорить о муже с сотрудниками по работе... ну это совсем уж глупо!

Кстати, а как я теперь буду работать под начальствующей рукой бывшего мужа?

Глава 6

Работа, финансы, разговоры со свекровью, объяснения с детьми, это всё будет потом, не сейчас. Сегодня я не способна ни на что.

Мне бы переварить и усвоить произошедшую катастрофу, принять её...

Мысль о том, что возможно Стас заблуждается, что, может быть, ему меня оговорили или ещё как скомпрометировали, что на самом деле всё не так, как кажется, на некоторое время всколыхнула во мне надежду и желание разобраться в мотивах мужа. Бывшего мужа. Возбуждая желание действовать.

Но этот порыв был недолгим.

А понимание того, что семья уже разбита и ничего не вернёшь, даже если Стас осознаёт, что он наделал, снова придавила бетонной плитой.

Всё уже распалось и разбито. Всё уже решено. Приговор вынесен, и обжалование не вернёт утраченного доверия. Пресловутая чашка уже разбита, и с любовью выпестованное доверие выплеснулось под ноги толпе.

Какой смысл что-то выяснять и доказывать? Что изменится? Стас раньше поймёт, как был не прав? И что? Мы сможем жить вместе? Пусть не как прежде, но рядом? А если не поймёт? Или поймёт немного позднее?

Сегодня я не в состоянии ничего решать.

Уже нарешала только что перед судом и за себя и за детей дальнейшую судьбу...

Какая же я дура горделивая! Что наделала, зачем!

- Кать, что с тобой? Кать! – доносился до меня взволнованный голос подруги.

- Нужно было не размахивать шашкой, а просить Стаса подождать, потерпеть. Умолять его не бросать меня. Нас. Что же я наделала, Люд? Как я без него? Он моя жизнь! – заскулила, скукоживаясь в комочек.

Больно!

Как же мне больно! Огнём горит в груди. Сердце словно разорванное на кусочки и теперь вынужденно биться, раня своими осколками. Истекая любовью. Как мне жить без моего любимого? Как дышать?

Зачем?

- Люд, отвези меня домой, пожалуйста, — прохрипела я, вставая и придерживаясь за спинку стула.

Голова кружилась, а в глазах было темно, и только бедное моё сердечко отчаянно билось о рёбра, напоминая своим трепыханием, что это не сон. Это моя новая реальность!

Хочу забиться в угол. Подальше от людей. От сочувствующих взглядов подруг. От любопытства знакомых и торжества врагов. От осуждения свекрови и злорадства сестры Стаса. Я никого не хочу больше видеть, даже своих родных. Ни родителей, ни друзей – ни одной живой души!

Мне, словно раненому животному, нужно забраться в угол, в тёмную дальнюю нору, чтобы зализать свои раны.

-Кать, может, к врачу? – предлагает мне подруга с тревогой в голосе.

- Ты ужасно выглядишь. Вся белая и губы синюшные. Мне страшно оставлять тебя одну, — продолжает говорить она.

А меня безумно злит её голос и её забота. Я не хочу никого слышать. У меня просто нет ресурса, чтобы как-то реагировать на подругу. Просто нет сил. И поэтому я тихо прошу Людочку:

- Нет. Отвези меня домой. Люда, прости, я должна остаться одна. Прости.

И закрываю глаза, устраиваясь на пассажирском сидении в машине подруги. Дышу, напоминая себе о необходимости делать вдох и выдох.

Хорошо, что ехать недалеко.

Невероятным усилием воли выползаю из автомобиля, и, пошатываясь, хватаюсь рукой за крышу. Меня ведёт из стороны в сторону, словно пьяную, и мир отвратительно кружится, теряя опору.

- Я провожу тебя! – безапелляционно заявляет Людмила и, придерживая меня под руку, идёт рядом решительно.

Она так яростно пыхтит при этом ёжиком и так отчаянно вбивает каблуки в асфальт, что у меня просто нет сил сопротивляться её напору.

В квартире странно холодно.

Ветер гуляет сквозняком, шевелит лёгкие шторы и гоняет по полу случайные бумажки, что сумел смести с неведомых поверхностей. Непонятно откуда взявшийся празднично блестящий фантик от конфет неуместно ярким пятном только сильнее подчёркивает разруху в моём доме.

Дверцы шкафов распахнуты настежь, и опустевшие полки смотрят на меня безглазыми провалами. Среди осиротевших и брошенных или случайно забытых вещей моего мужа на видном месте свисает его любимый мной галстук, который я подарила совсем недавно. Неделю назад.

И этот дурацкий галстук что-то такое ломает во мне, что-то важное и живое, которое глупой надеждой билось в виске забытым скворчком.

Ничто не веротишь назад! Всё это – разруха и одиночество, душевная боль и обида, это со мной навсегда. Он просто бросил меня, как ненужную вещь. Потому что больше не любит. Я больше не нужна ему в его новой успешной и счастливой жизни.

Я опустила на диван и прямо в одежде просто завалилась набок, отворачиваясь к стене.

Не хочу видеть. Не хочу чувствовать. Не хочу быть...

Людочка что-то говорила, хлопала дверцами опустошённых шкафов, закрывала распахнутые окна и бесконечно пыталась достучаться до меня. Но я не проваливалась в свою персональную бездну отчаяния, утягивая с собой боль и обиду. Отсекая звуки и ощущения, закукливаясь в себе.

Чувство безграничного отчаяния накрывает меня ватным куполом, и нет сил даже сомкнуть ресницы. Я уничтожена. Обезоружена. Меня просто больше нет.

- Катерина! – резкая и болезненная пощёчина возвращает меня в реальность, и я слышу рассерженный и злой голос подруги:

- Не смей опускать руки и впадать в прострацию из-за мужика! У тебя дети сейчас вернуться из школы! Что они увидят? Что ты им скажешь!

Глава 7

- Ты что? – Я подняла непонимающий взгляд на Людмилу, прижав ладонь к горячей щеке.

В голове звенело, и сквозь вату безразличия пробивалась тоненькой иголкой колючая обида. В носу защипало, чуть дёрнулся глаз, а мысль, что никто меня не понимает, проскользнула тонкой змейкой и свернулась под сердцем.

Вяло всколыхнулась во мне чуть заметная волна эмоций и опала, быстро поглощённая вязкой тоской.

- Вставай! – громко приказала мне Людмила, сурово поджав губы и насупившись.

Подруга стояла рядом со мной разъярённой богиней. Высокая, статная, она смотрела на меня, грозно сверкая глазами. Возвышалась надо мной суровой Палладой, которой позволено и судить, и миловать. Прекрасной и могущественной, карающей по заслугам богиней мудрости и тактического искусства.

Но такой далёкой и холодной. Словно мраморная статуя. Как недоступная небожительница, бесконечно недостижимая и нереальная, сейчас она не могла достучаться до меня.

- Вставай! – повторила Людмила и нахмурила свои дивные черты.

А я просто закрыла лицо ладонями, чтобы не видеть её грозного величия, и прошептала, с трудом проталкивая слова сквозь сжатое, сухое горло:

- Уходи! Пожалуйста!

И отвернулась к стене, поджимая колени к груди в защитной позе эмбриона.

Не хочу никого видеть и никого слышать! Я не хочу дышать и хотеть что-либо не хочу. Меня просто нет! Неужели этого не видно? Оставьте меня в покое!

- Я не уйду! И не проси! Я просто не могу видеть, как ты из-за мужской глупости собираешься разрушить всё вокруг и осиротить детей! Вставай! – приказала Людочка, подкрепляя строгим голосом свои слова.

Она пыхтела рядом со мной, тяжело дыша и явно сдерживая самые яркие свои слова, что неудержимо стремились проявиться между нами, непоправимым камнем коверкая многолетнюю дружбу.

Но это было словно не со мной. Мне было всё равно, что происходит. И старания подруги не касались моего сознания, её просьбы и слова стекали с меня, как со стеклянной сферы, не достигая цели. Словно дождь по стеклу сползали, не попадая внутрь моего кокона из тоски и одиночества.

Неужели так сложно оставить меня в покое и просто уйти сейчас?

А, впрочем, всё равно. Уходите, оставайтесь... мне безразлично. Совсем.

- Катюш, я не хочу говорить тебе то, что может тебя ранить, или банальности, но ты не имеешь права опустить руки! Ты должна собраться. Ради детей, ради сохранения их психики и семьи не будь эгоисткой. Вставай, Катюш, не позволяй тоске взять верх. Пожалуйста... — поменяла непримиримый тон подруга, и теперь её голос звучал намного мягче.

Но слова были просто снежинками, что кружились и опадали хлопьями пепла вокруг меня.

«Семья»... что такое теперь наша семья, когда Стаса нет со мной больше? Пустой звук. Тень на стекле. Воспоминание ушедшего счастья...

Он ушёл, и легко, непринуждённо прихватил с собой сросшуюся с ним мою душу, мою жизнь он забрал с собой! Он ушёл и унёс на себе кровоточащие куски моего сердца, ошмётки, выдранные и выкорчеванные из моего тела.

Ушёл лёгкий и довольный, вероятно, и не заметив, что убил меня.

Стас, мой любимый и родной муж, полетел независимый и прекрасный в свою новую насыщенную жизнь развлекаться, унёсся скорым поездом вдаль получать удовольствия. Бро-сил, растоптал и предал, а меня больше нет. Пустота в душе. Но и боли тоже нет...

- Катя, я прошу, вставай, — доносился, словно сквозь вату, голос подруги.

Но он не достигал моего сознания.

Мир схлопывался, отстранялся от меня, извергая из своего существа, как никому не нужное, инородное тело. Не было больше запахов, и звуки отдалялись, переставали быть. Только темнота перед глазами и вкус пепла остался на губах... только блаженное ничто.

Очнулась я резко. В одно мгновение словно вынырнула из-под толщи зловонной жижи болота и, вздохнув странного воздуха, закашлялась, сотрясаясь.

Словно выброшенная на поверхность рыба, я задыхалась на воздухе, физической болью ощущая чуждость вдыхаемой смеси и чужеродность места, в котором оказалась.

Свет резал глаза, рассеянным шаром нависал надо мной, пугая, собираясь сожрать, спалить. Надвигаясь на меня с явно недобрыми намерениями. Что-то противно-механическое прерывисто и тревожно пищало над ухом, раздражая. В ушах шумело и мне показалось, будто это поезд неотвратимо летит мне навстречу, гроыхая и светя прожектором глаза.

Паника всколыхнулась, разгоняя кровь, и писк превратился в сплошной визг.

Я попыталась дёрнуться, на инстинктах спасаясь от угрозы, и с ужасом поняла, что не могу шевельнуться. Я не чувствую своего тела!

Что со мной?

- Очнулась, милая? – услышала я рядом незнакомый женский голос и запаниковала ещё сильнее.

Где я? Что со мной? Где мои дети?

- Спокойно, не стоит волноваться! – продолжал уговаривать меня голос, только усиливая моё беспокойство.

Прохлада коснулась лица, влагой стирая пелену с глаз. Я проморгалась и смогла увидеть склонённое лицо женщины в маске и шапочке медицинской сестры надо мной.

- Всё хорошо, – сообщила она мягким голосом и добавила, — к вам сейчас подойдут.

Скосила взгляд в сторону, не узнавая места, в котором находилась и опять попыталась шевельнуться.

Безуспешно!

- Ну, что, Катерина, очнулась? Пришла в себя? — прогремел надо мной знакомый баритон.

Глава 8

- Давай посмотрим, голубушка, на твои показатели, а потом обо всём поговорим, — значительно смягчив свой тон, продолжил Борис, муж моей Людочки, приговаривая, — ты успокойся, дети у нас. Ты в моей клинике. Всё под контролем!

Боря был старше Людмилы больше чем на десять лет и в нашей компании слыл самым мудрым и уравновешенным человеком. Он всегда, в любой ситуации сохранял спокойствие и трезвую голову. Никогда я не видела его не то что агрессивным, просто раздражённым. Борис не позволял своим эмоциям выплеснуться на окружающих.

От этого тем резче прозвучала его реплика в самом начале. Я даже не сразу узнала мужа подруги. Тем более что он был в маске, закрывающей лицо, шапочке и в робе врача.

- Что со мной? – просипела, как только Борис освободил свои уши от фонендоскопа, внимательно измеряя мне давление.

Я попыталась шевельнуть рукой и, словно сдвигая весь атмосферный столб, с невероятным усилием, напрягая весь организм, пошевелила пальцами.

Я могу двигаться!

- Нервное истощение. Катерина, я возмущён! Как можно было так довести себя за такой короткий срок? Мы виделись на днях, и ты была молодая и пышущая здоровьем, энергичная женщина. А сейчас передо мной совершенно измученный человек с трудной судьбой! Абсолютно безответственное поведение, милая! – бухтел Боря, знакомым голосом, и мне становилось всё спокойнее на душе.

Возможно, потому, что я уже могла пошевелить всей рукой.

- Я понимаю, ты попала в сложную жизненную ситуацию! Мне Людочка всё рассказала, и я сочувствую тебе. Но! Безответственно так относиться к своему здоровью! Разве ситуация улучшится, если ты будешь еле-еле волочить ноги? Или Стас одумается и возьмётся за ум, если ты сляжешь? На кого детей оставишь? – продолжал возмущаться Борис.

А я, сцепив зубы, пыталась согнуть ноги в коленях.

- Да что же ты творишь? – заметив мои потуги, возмутился Боря, продолжая – ты почти час пролежала у меня без сознания! Как ушла в глубокий обморок дома, так только сейчас очнулась, а уже собираешься куда-то бежать! Нет уж! Полежи, поспи, голубушка, и подумай над своим поведением! Наберись сил.

- Где? Что? – попыталась я сформулировать в одной фразе сразу все вопросы. И где дети с Людой, и как я сюда попала, и что со мной, и надолго ли...

Но Боря что-то вколол мне, и сознание укутало мягкое одеяло безразличия.

- Всё хорошо, Катюш! Не волнуйся, – услышала я спокойный и уверенный голос врача и поверила ему.

Всё хорошо. Я жива!

Я проснулась рано утром.

Через приоткрытое окно было слышно яростное щебетание птиц, и по их отчаянному, восторженно-сосредоточенному разноголосью сразу было понятно, что скоро рассвет. Что совсем скоро утро нового дня закружит и заморочит новыми заботами. А пока, на несколько невесомых мгновений мир замирает, встречая чудо рассвета.

В палате было темно, а кровать стояла так, что если повернуть набок голову, то прекрасно видно большое незашторенное окно, выходящее, судя по всему, на юго-восток.

Край высокого неба высветлило далёким отсветом ещё не взошедшее солнце, и деревья на этом фоне отчаянно чернели в терракотовой дымке голых ветвей. Но высокая синева безоблачного свода оттеняла хмарь леса тонкой глазурью, рисуя гравюру рассвета честной осени. Без прикрас и без обмана обнажая суть вещей.

Жизнь продолжается, даже если кажется, что тебе нанесли смертельную рану. И ни один, даже самый лучший мужчина в мире, не стоит того, чтобы перестать быть на этой планете.

Я выжила.

И я буду жить дальше.

Буду любоваться рассветами и закатами, слушать, как кричат птицы, и видеть, как растут мои дети. Я буду ругаться и плакать, буду смеяться и кричать, я смогу жить и дышать. Потому что это невыразимо прекрасно – просто быть на этой земле!

Я не буду пока ставить себе глобальные цели. Не время для меня сейчас резких движений. Хватит уже. Пришло время маленьких шажочков по направлению.

Солнечный несмелый и тоненький луч коснулся моего лица, приласкал, слепя яростным светом, и я улыбнулась. Какое счастье быть живым!

Потянулась, вдыхая глубоко прохладный воздух, так, чтобы прочувствовать всю его свежесть, и зажмурилась. Пусть без Стаса, пусть одна, но я буду счастливой!

Солнце уже давно встало, и птицы, уgomонившись, занимались своими важными делами без рассветного восторга, обыденно мелькая за окном. А я всё ещё переживала свалившееся на меня откровение радости простого бытия.

- Катюш, не спишь уже? – стукнув в косяк двери, прошёл ко мне в палату Борис и, присев рядом, заговорил, словно извиняясь, — собирайся потихоньку. Сейчас измеряем давление и поедем. Я после смены завезу тебя к нам. Дети уже извелись, спрашивая, где ты.

Он помолчал немного и продолжил:

- Я не стану нигде фиксировать депрессивную составляющую диагноза. Людочка говорит, что тебе это может сильно повредить в судах со Стасом. Просто ограничусь глубоким обмороком и последующим обследованием. Но, Кать, пожалуйста, постарайся держать себя. Я знаю, как это тяжело. И посоветую тебе хорошего психолога.

Мы поможем тебе всегда. Не опускай руки, девочка. Жизнь — долгая, и ещё неизвестно, как она повернётся для вас, – похлопав меня по руке, закончил Боря и встал, собираясь выйти.

- Я зайду через полчаса, — предупредил он, прежде чем покинуть палату.

Глава 9

Людочка встретила нас с Борей на пороге своей квартиры собранная, деловитая и окружённая детьми. Глянула на меня остро, пылливо определяя профессиональным взглядом моё состояние, улыбнулась мягко и отошла в сторону, уступая нам место.

Борис широко открыл двери и пропустил меня вперёд. А стоило мне сделать всего один шагочек в коридор, как с воплем команчей из глубины квартиры, летящей торпедой, гоночным болидом, на меня напрыгнула дочь и повисла родной обезьянкой.

- Мамочка!

Родным милым голосочком, мягкой лапкой, прошлась моя радость по взъерошенным нервам.

Я покачнулась, не ожидая такой встречи. Чуть больше пуда, это всё-таки многовато для меня, тем более в разбеге. Но Маняшка так искренне и крепко прижималась и так трогательно лепетала о том, что соскучилась. И это было в данный момент именно то, чего мне так не хватало – проявление искренней и безусловной любви. Тепло семьи и заботы. Физическое проявление единства и моей нужности.

Я присела вместе с дочкой, так, чтобы не держать её на весу, и уткнулась в лучший запах на земле – аромат волос моего ребёнка.

- Всё хорошо? – спросил Денис, подходя ближе.

- Нормально, – ответила, поднимая взгляд на повзрослевшего сына и отмечая, как он изменился, пока меня не было и каким пылливо-взрослым осознанным взглядом он смотрит на меня.

Денис хотел что-то ещё сказать, но Людочка в этот момент развернулась и прошествовала каравеллой, заполняя всё доступное пространство вокруг. И мы все залюбовались ей.

Красивая и сильная женщина, уверенная в своей неотразимой харизме, на пороге собственного дома, в окружении близких — она была прекрасна!

- У нас большой поход! Сегодня мы идём помогать ухаживать за животными. В зоопарке проводится урок волонтерства, и желание участвовать выразили все наши! – Заявила подруга, чмокнув мужа, пройдясь ладонью по моим плечам и, подталкивая к кухне своего зевающего сына.

И, повернувшись к нам с сыном, внезапно хихикнула по-девчоночьи задорно:

- Даже принцесса Вероничка идёт с нами. Так что не толпимся, быстренько встречаемся-провожаем и бегом на улицу! Машина уже прогревается и ждёт!

Под её уверенные указания мальчишки сами собой сосредоточились на кухне, а я, распрямившись и сбросив кроссовки, шагнула в сторону ванной мыть руки.

- Катюш, ты с нами? Или отдохнёшь дома? – мимоходом спросила меня подруга.

Я растерялась от её напора и хотела уже отказаться, но Манюня заканючила своё «Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста», а Борис веско припечатал:

- Поезжай, не раздумывай. Всё полезнее, чем бесплотные переживания в одиночестве!

- Тогда быстро на кухню завтракать, и — вперёд! – решительно кивнув, заявила подруга комиссарским тоном, не терпящим возражений.

И уже через несколько минут мы все расположились во вместительном автомобиле Людмилы.

Вероника, одиннадцатилетняя юная красавица, только начинающая осознавать свою очаровательную силу дочь наших друзей поджидала нас на остановке автобуса. Она с независимым видом повидавшей всё на свете светской львицы отрепетированным движением села на заднее сидение рядом с моим Денисом.

Но в последний момент что-то пошло не так. Вероничка покачнулась, задев детское кресло, и этим смазала весь эффект. Изящное погружение великолепной десятилетней дивы в автомобиль сорвалось, и на лице девчонки отразилось отчаяние.

Вероника стала похожа на нормальную школьницу. Только очень обиженную и раздосадованную.

- Подвинься! – буркнула она Денису.

Тряхнула гривой распущенных волос и отвернулась к окну.

Мой Дениска закатил картинно глаза и отвернулся, высматривая что-то важное в противоположном окне.

В прежние времена они дружили и вместе шкодничали, а теперь разошлись, похоже, в разные углы ринга.

Марина, мама нашей звезды и наша третья подруга, махнув издали рукой, побежала домой. У неё завёлся новый молодой муж, и подруга была счастлива, что удалось сплавить из дома ребёнка, и появилась возможность остаться наедине.

Мы с Людочкой понимающе переглянулись, и каждая со своим чувством посмотрели Маринке вслед. Люда с пониманием, а я, остро ощущая боль потери.

Нужно признать, кстати, что после больницы, после пережитого кризиса я стала немного по-другому воспринимать реальность и произошедшую катастрофу. Боль от предательства ещё свербела открытой раной в груди, но чёрное отчаяние уже отступило.

На место ужаса непонимания приходила злость и желание вычистить свою жизнь. Разобраться в произошедшем, понять причины трагедии, сделать выводы и жить дальше. Обязательно ощущая счастье бытия.

Я собиралась быть счастливой абсолютно сознательно и серьёзно. Ведь счастье оно не только в том, что рядом со мной мужчина. Любовь она разлита во всё, что нас окружает. И в тех животных, помощь которым мы едем оказать в том числе.

- Ты как? – тихо спросила подруга, когда дети выгружались из припаркованного автомобиля, словно горошины из стручка.

- Спасибо, Людочка! Ты очень помогла мне!

Я потянулась к подруге с объятиями, стараясь выразить и голосом, и телом, насколько я благодарна ей за помощь.

- Не стоит, Катюш! Ты бы поступила так же. Я уверена! – ответила Люда.

А потом, достала мой телефон из кармана и, передавая в руки, добавила:

- Стас обзвонился весь. Но я не разговаривала с ним и твой аппарат выключила. С ним будем говорить в суде. Или с его адвокатами. Не к чему сейчас беречь незажившие раны. Он хотел свободы? Так, пусть жрёт её полной мерой!

Глава 10

Я удивилась, как много людей собралось на открытом уроке волонтерства. И если наличие мам с детьми объяснимо и понятно, то одинокие мужчины для меня были сюрпризом. Тем не менее они были. И после рассказа работников и под их присмотром активно и с удовольствием помогали делать мужскую работу.

Наши дети тоже активно участвовали. Старшие помогали убирать в домике осликов. Я заплела Вероничке косу, чтобы её прекрасные волосы не мешали и не лезли в глаза, и теперь краем глаза наблюдала, как её ярко-розовая курточка мелькает то здесь, то там. Несмотря на незнакомую компанию, девочка расслабилась и вела себя вполне нормально. Как и положено девчонке. Я обратила внимание, что Денис мой крутится рядом с ней, незаметно оберегая. И улыбнулась.

Мужчина растёт.

Мы в компании малышей занимались сортировкой и приготовлением морковки. Маняше дали покормить крошечных козочек какой-то экзотической породы. Милых пугливых созданий на изящных тонких ножках, которые огромными влажными глазами способны довести до умиления всякого живого человека.

А пока Ленька серьёзно и с интонацией Бориса втолковывал моей Маше, как лучше подавать морковку пучащей глазища смешливой ламе, Людочка, не спуская глаз с сына, тихо спросила у меня:

- Как так получилось, что ты не видела сообщения с уведомлением из суда? Госуслуги рассылают всем и всегда.

- В смысле? – повернула я голову к подруге.

- При любых движениях госуслуги предупреждают граждан. Если тебе приходит штраф или ещё какое нарушение. И уж точно и наверняка приходило уведомление, когда Стас подал на развод. – терпеливо проговорила подруга очевидные вещи.

- Знаешь, я пока ты не сказала и не думала об этом. – задумчиво протянула я.

Затем, помолчав, проговорила:

- Мне Стас подарил новый телефон где-то месяц назад. И, вероятно, на тот момент ещё не всё было настроено как нужно.

- Или Стас, настраивая тебе телефон, стёр лишнее, чтобы ты не видела ничего раньше времени... — хмыкнув, перебила меня подруга.

- Ты полагаешь, он... — начала я, но после горько и криво ухмыльнувшись, продолжила, — впрочем, о чём это я? Конечно, он готовился.

Ленька с Манюней, скормив всю приготовленную морковку, с сияющими глазами вернулись к нам с Людочкой, и их восторженные, но не очень связные предсказания отвлекли меня от мрачных мыслей.

Договорившись, что встретимся со старшими детьми через час, мы повели малышню к китайскому павильону смотреть на панду-медведя. Катюша спряталась наверху, и её было плохо видно, а старшие панды сосредоточенно ели свой бамбук. И пока наши дети, прилипнув к стеклу, разглядывали чёрно-белых медведей я задумчиво проговорила:

- Знаешь, я совсем, оказывается, не знаю Стаса. В моём представлении мой муж никогда бы не смог поступить так подло. Никогда бы не выжидал, готовя развод и при этом устраивая мне медовый месяц. В голове не укладывается!

Собирал заранее свои вещи, копался в моём телефоне, готовился, куда съехать... и при этом дарил мне цветы и подарки. Шептал нежности. Такое впечатление, что у него раздвоение личности.

- Да плевать, что там у него с личностью! – в сердцах, эмоционально воскликнула Люда так, что дети обернулись к нам с вопросом в глазах.

Я им улыбнулась, успокаивая, а Людочка продолжила возмущаться, шипя уже тише, но, по-прежнему экспрессивно:

- Пусть свои личности держит от вас подальше!

Мы помолчали, выловили наших малышей, и вышли к вольеру Тимоши ожидать старших детей. Манула было не видно. То ли он отсиживался в домике, то ли спрятался, сливаясь с местностью. Я не вглядывалась.

Задумчиво покусывая губу, я вспоминала невольно день развода. Что-то царапало меня. Какое-то несоответствие. Какая-то нехарактерная деталь не давала мне покоя.

Хотя весь тот день – сплошная для меня абсолютно несвойственный кошмар. Начиная с утреннего ступора и заканчивая апатией и уходом от реальности после суда.

- О чём ты так задумалась? – спросила подруга, остро царапнув меня взглядом.

- Знаешь, это так странно. Никогда я и в страшном сне не могла себе представить, что забуду о детях и так заикнусь на своих переживаниях. И мне стыдно теперь...

- Не парься! Человек никогда и не предполагает, как он отреагирует на ту или иную критическую ситуацию в данный момент. Бывает по-разному и заранее это не предугадать. Не кори себя. – перебила меня Люда, добавляя, — мы все живые люди и наши реакции на стресс зависят от множества факторов. Я рада, что ты очнулась.

- Спасибо! – с чувством поблагодарила я Людочку и на мгновение прижалась к её плечу, собираясь сказать важное...

- Смотрите! Манул, оказывается, всё это время сидел на полочке! – в это мгновение раздался неподалёку чей-то звонкий детский голосок, разбивший хрустальную тишину, затаившуюся между нами.

Я оглянулась, цепляясь взглядом за ярко-розовую курточку Веронички. Она раскраснелась и растрепалась, но при этом выглядела такой живой и настоящей, что я невольно улыбнулась. А мой Денис шёл рядом, внимательно слушая восторженно размахивающую руками девчонку.

Как-то незаметно настало время обеда. Мы не стали ничего выдумывать и зашли с детьми в небольшое кафе на перекрёстке у Баррикадной. Ничего не случится, если дети разочек пообедают вне дома. Тем более что впечатлений у них было столько, что, казалось, в машину они все вместе просто не поместятся.

Рядом с восторгами детей и мне становилось теплее. Легче дышать и проще смотреть в будущее.

И поэтому после десерта я решила и включила свой телефонный аппарат.

Сообщения и смски посыпались, весело квакая и мякая без остановки несколько мгновений на все лады, пока телефон не разразился резкой трелью входящего звонка.

Глава 11

- Что ты надумала, Катерина? Зачем ты развелась с моим сыном? Какая очередная глупость опять родилась в твоей голове? – возмущённо разразилась трубка голосом свекрови, стоило только принять вызов.

Я поняла, что напрасно включила аппарат. Немного переоценила себя и свою готовность к разговорам прямо сейчас. Как-то не готова я к общению с родственниками беглого мужа. Нет во мне смирения и должного уважения к этой женщине.

- А что вам Стас сказал? Вы его спрашивали? Рекомендую сначала переговорить с сыном, а после кидаться в меня упрёками, – я ответила ровным тоном, прикидывая, как бы ненавязчиво и быстро закончить разговор.

Мама Стаса предсказуемо взвилась на мою провокацию, высказывая:

- Не указывай мне, что делать и с кем разговаривать! Знай, я всегда буду на стороне своего ребёнка! Ты, как мать, должна понимать такие простые вещи!

Прекрасно! Что и требовалось в данную минуту:

- Ираида Дмитриевна, я сейчас разговариваю с вами, а рядом со мной находятся мои дети. Вы, как мать должны осознавать, что как бы мне ни доставлял удовольствие наш разговор, но я вынуждена его прервать. До свидания. А, впрочем, скорее – прощайте!

С удовольствием отключила вновь телефон, посмотрела на его, как на ядовитую гадину и подняла взгляд на подругу. Людочка глядела, чуть улыбаясь, и в её глазах танцевали смешинки.

- Что?

Я подняла вопросительно бровь и дёрнула плечом.

Мама Стаса всегда раздражала меня. Это чувство было взаимно — я ей тоже активно не нравилась. Всё, что я делала – её не устраивало, а все мои попытки сблизиться «Железная Ираида» отвергала решительно. Так отчего теперь, в разводе с её прекрасным сыном, я должна искать компромиссы в общении с этой фурией?

- Кто-то хотел поговорить со свекровью по душам и попытаться выяснить, что же произошло со Стасом, — усмехнулась Людочка.

- Ох! – выдохнула, прикрывая глаза, и добавила, — Ну не смогла! Не сдержалась!

- Я и не сомневалась в тебе, — засмеялась подруга, приговаривая, — Ты у нас не способна на подковёрную интригу. Рубишь сплеча всё как есть. Это Стас у нас был – мастер иллюзий и игры вдолгую. Не люблю таких... скользких, ты знаешь. От них всегда можно ждать удара в спину.

Мы ещё посидели немного в кафешке. После насыщенного дня время в приятной компании летело незаметно и легко. Но всё рано или поздно заканчивается, и я попросила Людмилу закинуть меня на машине с детьми домой.

Завтра понедельник, и требуется подготовиться, чтобы не суетиться утром.

Как бы ни было хорошо в гостях, но пора и честь знать. Нужно ехать домой.

Дом встретил разрухой.

Распахнутыми слепыми полками шкафов, непонятно откуда взявшейся пылью по углам и затхлым запахом не выброшенного вовремя мусора встречала меня моя квартира. Зияя заброшенностью семейного очага.

Дети разбрелись по своим комнатам, а я, вооружившись тряпками и средством для мытья, принялась за генеральную уборку.

К чёрту всё!

За монотонной работой, за физическим трудом, когда руки ожесточённо и сосредоточенно отмывают кафель в ванной и дряют пол, когда вымываются все углы шкафов, мне всегда неплохо думается.

На борьбу с грязью уходят все сила, пробужденная эмоциями, вся злость и обида. Всё накопленное напряжение тонкой струйкой сползает с меня, оставляя после себя усталость мышц и чистую, пустую от лишних эмоций голову. Только чёткие и холодные выверенные мысли.

С математической точностью я видела сейчас, как хладнокровно и методично собирался Стас уходить из дома и как давно и тщательно он планировал свой уход. Не может быть и речи о какой-то там ошибке или порыве. Стас аккуратно и хирургически точно всё рассчитал вплоть до моей реакции на развод.

Единственное, что он не предусмотрел – это нашу встречу с подругой в коридорах суда.

Сейчас, вспоминая, что именно мне Стас предложил в качестве отступных за свою вождественную свободу, я недоумевала и злилась. Как он осмелился? Совсем меня за дуру считает?

Вернее, он был уверен, что от шока я не воспринимаю адекватно реальность и подло был готов воспользоваться ситуацией.

Я помню, что на заседание он шёл с папкой документов. Вероятно, в ней были подготовленные к разделу бумаги. Что ещё можно было тащить в суд на развод с женой?

Тошнота подкатила к горлу от осознания.

Понимание вышибло во мне дыхание.

Это как так можно? С нечеловеческой подлостью и расчётом ночью шептать мне нежности, чтобы после, ошеломлённую и дезориентированную ограбить на суде? И ладно бы меня! Но чем провинились перед ним его дети?

Устало присела на стул перед кухонным столом, отложив в сторону всё лишнее.

Выдохнула и прикрыла глаза.

Я не позволю Стасу резвиться за наш счёт! Хочет свободы – держать не собираюсь! Но, изволь, по закону, отдать мне половину нажитого в браке имущества. Всего имущества!

Вздрыгнула от осторожного прикосновения к руке и, открыв глаза, обнаружила стоящего рядом со мной сына. Он сосредоточенно хмурил свои брови и явно собирался сказать что-то важное.

- Мам... — начал Денис и замолчал, собираясь с мыслями.

Ему явно было неудобно и неловко начинать этот разговор. Мой мальчик совсем как его отец кусал губы волнуясь. Затем, семейным жестом откинув чёлку со лба, Денис всё-таки заговорил:

- Папа больше не будет жить с нами? Он нас бросил? Мы не нужны ему больше? Это из-за меня? Потому что я не справился с заданием?

Глава 12

Денис обиженно дрожал нижней губой, и огромная нежность затопила моё сердце, с одной стороны, поднимая бурю негодования и злости с другой стороны. Эти чувства разрывали меня, разносили на осколки и молекулы.

Ладно. Захотел ты свободы. От меня, например, от обязательств семьи. Но дети то, как? Им за что страдать?

Вдохнула поглубже и посмотрела на своего мальчика.

- Что ты, милый! Нет, конечно же! Ты точно не виноват, что папа ушёл! – как можно увереннее произнесла я и, развернувшись на стуле в сторону Дениски, приглашающе раскинула руки для объятий.

Денис у нас уже года два, как избегает моих нежностей. Старается всячески подчеркнуть свою самостоятельность. Но сейчас он явно нуждается в тактильном контакте. И я даю ему возможность выбора.

- А кто виноват? – пробухтел сын, шагая ко мне и утыкаясь носом в шею.

Обняла моего мальчика, незаметно выдыхая. Пришёл, не замкнулся в себе! Это уже – хорошо!

Что мне ответить на его вопрос? Выгораживать Стаса? Чтобы сын думал, что виновата я? Или попытаться объяснить, что никто не виноват, и оно так само сложилось? И породить в юном сердечке сомнения и дать прорости там зёрнам вины, что поселились в его душе?

Ну уж нет!

- Папа взрослый, ответственный человек сорока пяти лет от роду, – начала негромко говорить, чуть покачиваясь вместе с сыном и поглаживая его по спине.

И продолжая мягким успокаивающим тоном:

- Папа сам принимает решения, и сам несёт за них ответственность. Поскольку он не советовался ни со мной, ни с тобой, прежде чем принять такой важный и судьбоносный выбор, то и вся вина лежит только на нём.

Денис завозился, и я дала ему возможность освободиться от объятий и сделать шаг в сторону. И заговорила немного жёстче. Как со взрослым:

- А ещё это означает, что папа точно понимал, что делает, готовился к такому шагу и считал, что поступает верно. Он для себя всё решил, не беря нас и наши чувства во внимание.

Поэтому не вини себя! Раз папа так решил, раз он выбрал жить без нас, то это только его выбор и его ответственность. И вина за это решение лежит только на нём!

- А что нам делать? – помолчав, спросил Денис, разбивая повисшую на кухне тишину.

Я улыбнулась, стараясь передать нежность, что разрывала мне сердце, и проговорила как можно легкомысленнее:

- Жить! Мы как были семьёй, так и остались. Между нами ничего не поменялось! Разве я стала любить тебя или Манюньку меньше?

Сын посмотрел на меня внимательно, сморгнул и признался:

- Но мне обидно! Разве это нормально, когда бросают?

- И мне обидно! И я считаю, что это совсем ненормально! – ответила с невольной прорвавшейся эмоцией.

И глядя, как опять надувается губа моего мальчика, проговорила задумчиво, давая Стасу незаслуженный огромный шанс реабилитироваться хотя бы в глазах своего ребёнка и поговорить с ним:

- Я думаю, что папа ошибся.

- Он мне звонил! – Тотчас с обидой и чуть дрожащим голосом поделился со мной сын, продолжая, — Спрашивал, где ты и почему мы не дома. Сказал, что любит нас. Но жить с нами

больше не может и не хочет. Обещал подарить мне новый телефон и встретиться со мной в воскресенье. Но так и не позвонил.

Стас, болван! Что-то наобещал Денису и забыл! Как всегда надеюсь, что я отследю и скорректирую, напому ему.

Для него всегда были не очень важны такие мелкие, как он считал, детали в отношении нас. И сейчас, вспоминая, это пренебрежение воспринимается не как милая забывчивость, а как намеренное неуважение. Абсолютно в другом свете!

- Зови Машу, будем ужинать. И готовиться к завтрашней школе. У тебя завтра ещё занятия в школе капоэйра, кстати. – заговорила, вставая.

- Я больше не буду там заниматься! – резко ответил Денис.

- Почему? Тебе же нравилось? – спросила я и с удивлением посмотрела на сына, а Денис, насупившись, ответил довольно резко:

- Потому что папа тоже придёт на урок. А я не хочу заниматься с ним вместе!

- Ну... - растерявшись, я не знала, как реагировать.

Хотела сказать, что папа ходит по тем же улицам, что и мы, и дышит тем же воздухом, и нельзя пытаться вычеркнуть его из нашей жизни. Но потом представила, как мне завтра идти на работу и встречаться там со Стасом, и не стала ничего говорить сыну. Я понимаю его. И тоже хочу сбежать куда-нибудь подальше, чтобы никогда больше не пересекаться и не видеть того, кто разорвал мне сердце.

- Я не хочу с ним вместе! Понимаешь? – Дениска смотрел требовательно и зло, и я сда-лась.

- Понимаю. Давай найдём секцию в другом месте? – ответила как можно мягче.

- Давай. Бокса! – по-взрослому ухмыльнулся сын, становясь точной копией Стаса.

Сердце кольнуло, замерло и полетело снова вскачь.

Когда дети уже спали, утомившись, я лежала в передвинутой на другое место нашей семейной кровати под новым бельём и под новым, приготовленным на подарок свекрови оде-ялом, и смотрела на игру теней за окном.

Нужно было набраться смелости и взять в руки телефон. Посмотреть на сообщения, включить его наконец-то. Решиться объявить миру, что я ещё жива. Позвонить родителям, пока ещё не поздно, и они не уснули.

Но сил на такой подвиг пока не было.

Я подожду до утра! Потому что ночь после разговоров будет испорчена окончательно, а я обещала Боре беречь себя!

Но утро принесло свои сюрпризы, и всё опять пошло не по плану!

Глава 13

Я проснулась по привычке очень рано. И не сразу сообразила, где нахожусь. Вчера на

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.